

Виктор Пелевин

День бульдозериста

ФТМ

Виктор Пелевин
День бульдозериста

«ФТМ»

1991

Пелевин В. О.

День бульдозериста / В. О. Пелевин — «ФТМ», 1991

ISBN 978-5-4467-0287-9

На заводе ему упала на голову заготовка бомбы, сотрясение мозга и нельзя пить две недели. Все боятся, что без выпивки у него начнётся «чёрная горячка», но доктор обещает, что за две недели ничего страшного не случится... Мучения трезвеющего человека, в обществе вечно пьяных. Взрослые пьют в песочницах, дети играют на помойках, все знают когда в каком магазине будут продавать спиртное... Неожиданный итог трезвости – герой вспоминает, что на самом деле он американский шпион, внедрённый в сверхсекретный советский завод производящий атомное оружие, настолько секретный, что даже в быту никто не называет вещи своими именами. Весёлый штрих – в качестве матерных ругательств используются советские лозунги, поэтому ругань в рассказе – это просто чистая незамутнённая радость читателя.

ISBN 978-5-4467-0287-9

© Пелевин В. О., 1991

© ФТМ, 1991

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виктор Пелевин

День бульдозериста

*Что они делают здесь.
Эти люди?
С тревогой на лицах
Тяжелым ломом
Все бьют и бьют.*

Исикава Такубоку

1

Иван Померанцев упер локти в холодный сырой бетон подоконника с тремя или четырьмя изгибающимися линиями склейки (Валерка, когда жену пугал, ударил утюгом), сдул со стекла ожиревшую черную муху и выглянул в залитый последним солнцем осенний двор. Было тепло, и снизу поднимался слабый запах масляной краски, исходивший от жестяной крыши пристройки, покрашенной несколько лет назад и начинавшей вонять, как только чуть пригревало солнце. Еще пахло мазутом и щами – тоже совсем несильно. Слышно было, как вдали орут дети и ржут лошади, но казалось, что это не природные звуки, а прокручиваемая где-то магнитофонная запись – наверно, потому казалось, что ничего одушевленного вокруг не было, кроме неподвижного голубя на подоконнике через несколько окон. Улица была какой-то безжизненной, словно никто тут не селился и даже не ходил никогда, и единственным оправданием и смыслом ее существования был выцветший стенд наглядной агитации, аллегорически, в виде двух мускулистых фигур, изображавший народ и партию в состоянии единства.

В коридоре продребезжал звонок. Иван вздрогнул, отложил уже размятую «пегасину» – сигарета была сырой, твердой и напоминала маленькое сувенирное полено – и пошел открывать. Идти было долго: он жил в большой коммуналке, переделанной из секции общежития, и от кухни до входа было метров двадцать коридора, устланного резиновыми ковриками и заставленного детскими кедами да грубой обувью взрослых. За дверью бухтел тихий мужской голос и время от времени коротко откликалась женщина.

– Кто? – спросил Иван бытовым тоном. Он уже понял кто – но ведь не открывать же сразу.
– К Ивану Ильичу! – отозвался мужчина.

Иван открыл. На лестничной клетке стояла так называемая пятерка профбюро, состоявшая у них в цехе из двух всего человек, потому что эти двое – Осьмаков и Алтынина (она была сейчас в марлевом костюмчике и держала в руках, далеко отнеся от туловища, пахнущий селедкой сверток) – совмещали должности.

– Иван! Ванька! – заулыбался с порога Осьмаков, входя и протягивая Ивану две подрагивающие мягкие ладони. – Ну ты как сам-то? Болит? Ноет?

– Ничего не болит, – смутясь, ответил Иван. – Идем в комнату, что ли.

От Алтыниной еще сильнее, чем селедкой, пахло духами; Иван, когда шли по коридору, специально чуть отстал, чтоб не чувствовать.

– Вот так, значит, Ванюша, – грустно и мудро сказал Осьмаков, сев у стола, – все выяснили. То, что произошло, признано несчастным случаем. Это, дорогой ты мой человек, дефект сварки был. На носовом кольце. И с имени твоего теперь снято всякое недоверие.

Осьмаков вдруг потряс головой и огляделся по сторонам, словно чтобы определить, где он, – определил и тихонько вздохнул.

– У ней ведь корпус из урана, у бомбы, – продолжал он, – а кольцо-то стальное. Надо спецэлектродом приваривать. А они, во втором цеху, простым приварили. Передовики майские. Вот оно и отлетело, кольцо-то. Ты хоть помнишь, как все было?

Иван прикрыл глаза. Воспоминание было какое-то тусклое, формальное, словно он не вспоминал, а в лицах представлял себе рассказанную кем-то историю. Он видел себя со стороны: вот он нажимает тугую кнопку, которая останавливает конвейер, кнопка срабатывает с большой задержкой, и щербатую черную ленту приходится отгонять назад. Вот он цепляет крюком подъемника за кольцо отбракованную бомбу с жирной меловой галкой на боку (криво приварен стабилизатор, и вообще какая-то косая), включает подъемник, и бомба, тяжело покачнувшись, отрывается от ленты конвейера и ползет вверх; цепь до упора наматывается на барабан и срабатывает концевик.

«Уже четвертая за сегодня, – думает Иван, – так, глядишь, и премия маем гаркнет».

Он нажимает другую кнопку – включается электромотор, и подъемник начинает медленно ползти вдоль двутавра, приваренного к потолочным балкам. Вдруг что-то заедает, и бомба застревает на месте. Так иногда бывает – вмятина на двутавре, кажется. Иван заходит под бомбу и начинает качать ее за стабилизатор – так она набирает инерцию, чтобы колесо подъемника перекатилось через вмятину на рельсе, – как вдруг бомба странным образом поддается, а в следующую секунду Иван понимает, что держит ее в правой руке над своей головой за заусенчатую жезь стабилизатора. Дальше в памяти – окно больничной палаты: шест с бельевой веревкой да половина дерева...

– Вань, – прозвучал осьмаковский голос, – ты чего?

– Порядок, – помотал Иван головой. – Вспоминаю вот.

– Ну и что? Помнишь?

– Частично.

– Самое главное, – сказала Алтынина, – что вы, Иван Ильич, из-под бомбы выскочить все-таки успели. Она рядом упала. А...

– А по почкам тебе баллон с дейтеридом лития звезданул, – перебил Осьмаков, – сжатым воздухом выкинуло, когда корпус треснул. Хорошо хоть, баллон не грохнул – там триста атмосфер давление.

Иван сидел молча, слушая то Осьмакова, то большую черную муху, которая через равные промежутки времени билась в окно. «Верно, гости растревожили, – думал он, – раньше тихо сидела... Чего ж они хотят-то?»

Скоро с Осьмаковым произошло обычное рефлекторное переключение, которое вызвал у него простой акт сидения за столом в течение некоторого срока: его глаза подобрали, голос стал еще человечней, а слова стали налезать одно на другое – чем дальше, тем заметней.

– Ты, Вань, – говорил он, маленькими кругами двигая по клеенке невидимый стакан, – и есть самый настоящий герой трудового подвига. Не хотел тебе говорить, да скажу: про тебя «Уран-Баторская правда» будет статью печатать, уже даже корреспондент приезжал, показывал заготовку. Там, короче, написано все как было, только завод наш назван уран-баторской консервной фабрикой, а вместо бомбы на тебя столитровая бочка с помидорами падает, но зато ты потом еще успеваешь подползти к конвейеру и его выключить. Ну и фамилия у тебя другая, понятно... Мы советовались насчет того, какая красивее будет – у тебя она какая-то мертвая, реакционная, что ли... Май его знает. И имя неяркое. Придумали: Константин Победоносцев. Это Васька предложил, из «Красного полураспада»... Умный, май твоему урожаю...

Иван вспомнил – так называлась заводская многотиражка, которую ему пару раз пришлось видеть. Ее было тяжело читать, потому что все там называлось иначе, чем на самом деле: линия сборки водородных бомб, где работал Иван, упоминалась как «цех плюшевой игрушки средней мягкости», так что оставалось только гадать, что такое, например, «цех синтетических елок» или «отдел электрических кукол»; но когда «Красный полураспад» писал об освоении

выпуска новой куклы «Марина» с семью сменными платьицами, которой предполагается оснастить детские уголки на прогулочных теплоходах, Иван представлял себе черно-желтую границу с обложки «Шакала» и злорадно думал: «Что, выпелюги майские, схавали в своих небоскребах?» Правда, уже полгода «Красный полураспад» распространялся по списку – как было объяснено в редакционной статье, «в связи с тем значением, которое придается производству мягкой игрушки», – и Иван даже не сразу сообразил, что речь идет о заводской многотиражке.

Осьмаков как-то незаметно перескочил на другую тему.

– В общем, жужло баба, – тихо говорил он, глядя на что-то невидимое в метре от своего лица, – трудяга... Я ей кричу: какого же ты мая, мать твою, забор разбираешь...

– Это, Иван Ильич, – перебила Алтынина, – вообще первый случай, когда про наш завод городская газета напишет. И еще, может быть, с телевидения приедут. Мы уже место нашли, где снять можно. И совком не против.

– Чем? – не понял Иван.

– Совком, – отчетливо повторила Алтынина. – Товарищ Копченев сейчас занят – здание детям передает. Но сам лично звонил.

– Шуму-то сколько, Галина Николаевна.

– Надо ж на чем-то детей воспитывать. А то от них одни поджоги со взрывами. Вчера на Санделя опять мусорный бак взорвали. По песочницам бродят...

Осьмаков вдруг издал булькающий звук и повалился головой на стол. Началась суета – Иван побежал на кухню за тряпкой, Алтынина захлопотала вокруг Осьмакова, приводя его в чувство и объясняя, как он сюда попал и где находится. Когда Иван принес тряпку, Осьмаков выглядел уже совершенно трезвым и мрачно позволял Алтыниной оттирать ему лацкан пиджака носовым платком. Гости сразу же стали собираться – встали, Алтынина взяла со стола пахнувший селедкой сверток (Иван решил почему-то, что тот предназначался для него) и стала его переупаковывать – заворачивать в свежую газету, потому что бумага уже пропиталась коричневым рассолом и грозила вот-вот разорваться. Осьмаков с фальшивым интересом уставился в настенный календарь с изображением низенькой голой женщины у заснеженного «запорожца». Наконец селедка была упакована и гости попрощались – Иван так и проводил их до двери с тряпкой в руке и с этой же тряпкой вернулся в комнату, кинул ее на пол и сел на диванчик.

Некоторую странноватую вялость своего состояния он объяснял тем, что из-за ушиба почек не пил уже целых две недели: одну неделю в больнице, а вторую – дома. Но всерьез смущало его то, что никак не удавалось вспомнить свою жизнь до несчастного случая. Хоть он более или менее помнил ее фактическую сторону, воспоминания не были по-настоящему живыми. Например, он помнил, как они с Валеркой пили после смены «Алабашлы» и Валерка на отрывке произнес «слава труду» в тот момент, когда Иван подносил бутылку к губам, – в результате полный рот портвейна пришлось выплюнуть на кафельный пол, так было смешно. А сейчас Иван вспоминал самого себя смеющимся, вспоминал короткую борьбу с мышцами собственной гортани за отдающий марсианской нефтью глоток, вспоминал хохочущую рожу Валерки, но совершенно не мог припомнить самого ощущения радости и даже не понимал, как это он мог с таким удовольствием пить в пахнущем мочой закутке за ржавым щитом пятого реактора.

То же относилось и к комнате. Вот, например, этот календарь с «запорожцем» – Иван совершенно не мог представить себе состояния, в котором могло появиться желание повесить этот глянцевый лист на стену. А он висел. Точно так же непонятно было происхождение большого количества пустых, зеленого стекла бутылок, стоявших на полу перед шкафом, – то есть ясно, сам Иван с Валеркой их и выпили, да еще не все здесь остались – много повывлетало в окно. Непонятно было другое – почему весь этот портвейн оказался выпитым, да еще в обществе Валерки. Словом, Иван помнил все недавние события, но не помнил себя самого посреди

этих событий, и вместо гармонической личности коммуниста или хотя бы спасающейся христианской души внутри было что-то странное – словно хлопала под осенним ветром пустая оконная рама.

– Марат, – убеждал за стеной женский голос, – будешь писать в окно, тебя в сандалята не примут. Послушай маму...

2

С утра весь город узнавал, что дают в винном. Бесплезно было бы пытаться понять как – об этом не сообщали по радио или телевизору, но все же каким-то странным образом это становилось известно, и даже малыши, обдумывая планы на вечер, вполне могли думать что-нибудь вроде: «Ага... сегодня в винном портвейн по два девяносто... папа будет после восьми. А водка уже кончается. Значит – до одиннадцати...» Но они не задавались вопросом, откуда это узнали, – точно так же, как не спрашивали себя, откуда они знают, что сегодня стоит солнечная погода или, наоборот, хлещет проливной дождь. Винных магазинов в городе было, конечно, не один и не два, но продавали в них всегда одно и то же; даже пиво кончалось одновременно и в подвале на улице Спинного Мозга, и в бакалее на Сухоточном проезде, на противоположном конце Уран-Батора, так что жители любого района думали обобщенно: «винный» – о какой бы конкретной точке ни шла речь.

Вот и Иван, прикинув, что сегодня в винном коньяк по тринадцать пятьдесят, а с черного хода – еще и болгарский сушняк по рупь семьдесят плюс полтинник сверху, решил, что Валерка, сосед и кореш, наверняка возьмет сушняка, а потом еще задержится в подсобке поболтать с грузчиками, – и, подойдя к винному, наткнулся прямо на него. Валерка тоже не удивился, увидев Ивана, словно знал, что тот возникнет в прямоугольнике света между рядами темно-синих ящиков, на фоне уже повешенной на заборе гирлянды тряпичных гвоздик.

– Пойдем, – сказал Валерка, перекинул позвякивающую сумку в другую руку, подхватил Ивана под локоть и потащил его вниз по Спинномозговой, кивая друзьям и огибая пронзительно пахнущие лужи рвоты.

Дошли до обычного места – дворика с качелями и песочницей. Сели: Валерка, как всегда, на качели, а Иван – на дощатый борт песочницы. Из песка торчали несколько полузанесенных бутылок, узкий язык газеты, подрагивающий на ветру, и несколько сухих веток. Эта песочница очень высоко ценилась у бутылочных старушек – она давала великолепные урожаи, почти такие же, как избушки на детской площадке в парке имени Мундинделя, и старухи часто дрались за контроль над ней, сшибаясь прямо на Спинномозговой, астматически хрипя и душа друг друга пустыми сетками; из какого-то странного такта они всегда сражались молча, и единственным звуковым оформлением их побоищ – часто групповых – было торопливое дыхание и редкий звон медалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.